

Фоменко Е. Г.,

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики перевода
Классического частного университета

СВЕРХКОРОТКИЙ РАССКАЗ 2014 ГОДА В ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Статья посвящена пятидесяти сверхкоротким рассказам, которые опубликованы как лучшие образцы flash fiction за 2014 год на сайте wigleaf.com. Рассматриваются способы сжатия повествовательности и проявления индивидуально-авторских концепций в коллективном синергетическом напряжении системы, свойственном этому типу художественного текста.

Ключевые слова: суперкороткий рассказ, лингвосинергетика художественного дискурса, эпифаническая модель, повествовательность, аттрактор, индивидуально-авторская концепция.

Постановка проблемы. Сверхкороткий рассказ (short short) представляет собой текст с ограниченным количеством слов (flash fiction), который при чтении с компьютерного экрана не требует вертикальной прокрутки. Его можно считать специфической формой тиражирования изменений от повествовательной к эпифанической модели художественного текста [2], поскольку фактор объема не может не оказывать влияние на наложение макроструктуры и индивидуально-авторской концепции. Полагают, что связность сверхкороткой прозы напрямую связана со смысловыми «вспышками» в начале и конце текста [3, с. 12]. Считается, что сверхкороткий рассказ симптоматичен для современной эпохи, когда скорость определяет бытие [4, с. 76]. Высказывается мысль, что миниатюрной прозе присуще обращение к вневременной теме [5, с. 14–15].

Можно предположить, что сверхкороткий рассказ вмещает события-сцены, которые направляются аттрактором эпифанического откровения для выделения «нежданной встречи» в пространстве между «вспышками» начала и конца текста. По-видимому, существенное ограничение объема текста увеличивает амбивалентность, расстраивая дихотомию ДЕЙСТВИЯ, НЕ-ДЕЙСТВИЯ, ЕДИНЕНИЯ и НЕ-ЕДИНЕНИЯ вслед за свернутой повествовательной иерархией. В подобном ракурсе новейший англоязычный сверхкороткий рассказ еще не рассматривался.

Актуальность поставленной проблемы связана с: 1) изучением синергетического обмена между индивидуально-авторским и коллективным; 2) выяснением природы изменчивости эпифанической модели под давлением ограниченного объема; 3) описанием вербализаций, рассеивающих аттрактор эпифании. Цель статьи – выяснить, как сжатие объема влияет на самоусложнение системы текста в условиях повышенной конденсации и смысловой концентрации. Материалом исследования послужили пятьдесят лучших сверхкоротких рассказов за 2014 год, опубликованные на сайте <http://wigleaf.com/2014top501.htm>.

Изложение основного материала. *Разрушение эпифанической модели: современные тенденции.* Анализ пятидесяти сверхкоротких рассказов указывает на формирование макроструктуры событиями-сценами в отсутствие развернутых надстроек смысла, что не дает развернуться аттрактору эпифании. СОПРИКОСНОВЕНИЕ, характерное для эпифанической модели XX века, трансформируется в смыслопорождающее, направляющее интерпретацию ДЕЙСТВИЕ. Создается впечатление, что аттрактор эпифании собирает в бифуркационный пучок ДЕЙСТВИЯ, которые создают, по мере таланта автора текста, художественное откровение.

Покажем на примере сверхкороткого рассказа К. Чаппел «And another thing about the blue» (www.juked.com/2013/06/carrie-chappell-and-another-thing-about-the-blue.asp), как индивидуально-авторская концепция захватывает макроструктуру.

«Girl walks into the forest. Sun cans its rays into the chest of a tree. Grace she's known before under the pines. Drool of sap creeps down the bark. Girl considers the mood. A glass cage, submarine chamber. Another thing, but missing: water. Squirrels scuttle past her, fast as minnows. Ferns become anemones. Girl thinks, *Stranger grows the garden longer she away*. Girl thumbs a holly leaf, winks a bug away. A bead of sweat trails, tucking itself in the briar of her hair, here in the sometimes-called *yonder*».

Сжатие 88-словного текста достигается устоявшимися приемами, характерными для эпифанической модели художественного текста: номинативными предложениями (стеклянная клетка, корпус подводной лодки), выделением смыслового центра двоеточием, нанизыванием неполных предложений вперемешку с полными. Девушка размышляет о незримом Незнакомце, что выделено курсивом в предложении с отклоняющейся грамматической нормой; курсивом также выделена лексема *yonder* в абсолютном конце текста (наложение «здесь-там»). Повествование выхватывает скольжение воображаемых водных событий-сцен сквозь лесные события-сцены (белки – мелкая рыбешка, папоротники – анемоны). «Нежданной встречей» становится виденье морских просторов через лесное пространство. Подчеркнута интертекстуальность как ответ на новейшие произведения современной культуры: стеклянная клетка сознания проецируется в «Стеклянную клетку» Н. Карра, взывающую к активизации думанья и получившую резонанс в литературной среде 2014 года. Синергетический холизм достигается описанием лучей солнца, которые вонзаются в дерево как в живительный сосуд и ведут свою работу для соединения соков дерева с земным покровом леса. Прыгающие бел-

ки преображаются в косяк рыбежки – лесное пространство трансформируется в сосуществующее с ним воображаемое водное. Девушка сжимает пальцами остролист (падуб), веточки которого традиционно украшают дом в рождество. Действия Незнакомца усиливаются вектором Милости Божией (Grace). Девушка смаргивает слезинку, которая смывает жучка с листочка в ее руке. Так внутренняя влага осязается, подобно капле дождя, тут же подхватываясь бусинкой пота, которая зацепляется в вереске волос (считается, что только вереск согласился на предложение Бога расселиться на продуваемых ветром холмах – сквозной вектор сотворения мира). Аттрактор эпифанического откровения проявляется в наложении пространств-времен ДЕЙСТВИЕМ ЕДИНЕНИЯ стихий. Неожиданный эффект создается видением леса сквозь стеклянную емкость, клетку, из которой надо выбраться, подобно тому, как солнечные лучи размещаются в контейнере древесного ствола для оттока во внешнюю среду. Солнце использует контейнер дерева для накопления энергии жизни (чего нет в вакууме стеклянной клетки), и живительная влага (древесный сок природы, человеческие капелька пота или слезинка) устремляется к подземным потокам, к человеческому настроению-сознанию, куда (к земле) спешит смытый слезой жучок или стекают сок, слеза, капелька пота. «Нежданная встреча» происходит сквозь превращение папоротника в анемон, скорее всего актиний, своей формой напоминающих цветок любого цвета радуги. Холистический синергизм заставляет звучать эпифаническое откровение по-новому, раскрашивая солнечный луч в разложении на цвета радуги через возможное представление папоротников как анемон. Из всей выборки, это единственный рассказ, где эпифаническая модель самоусложняется, используя возможности сжатия для наложения одновременных и, по сути, однорядных откровений.

В индивидуально-авторской концепции рассказа ДЕЙСТВИЕ ЕДИНЕНИЯ проявляется в соприкосновении девушки и леса (осязание листа), солнца и дерева (луч и древесный сок), сосны и земли (корни и вода), сока и ствола (движение к живительной земле, где собирается влага), белок и девушки (живая природа и человек). ДЕЙСТВИЕ ЕДИНЕНИЯ преобразует лес в подводный мир. Создаваемое настроение исключает НЕ-ДЕЙСТВИЕ и НЕ-ЕДИНЕНИЕ, тем самым находя гармонию в отходе от христианской дихотомии. Например, покоящийся на листочке жучок (НЕ-ДЕЙСТВИЕ НЕ-ЕДИНЕНИЯ жучка по отношению к человеку, который придерживает пальцами листок, а не вкладывает его в руку) смывается ДЕЙСТВИЕМ слезы. Жучок вынужден начать ДЕЙСТВИЕ: он летит дальше для нового соприкосновения, так же как и слеза, которая в дальнейшем соприкосновении может найти новое самоподобие, соединившись с достигшим земли соком дерева. Иначе говоря, синергетическое напряжение создается нелинейностью мира, переплетениями скользких ощущений и настроений, отрицанием возможности одиночества и покоя. Происходит соприкосновение скольжением сквозь пространства и миры. Смысловая конденсация включается в синергетический обмен между событиями-сценами, осмысленными как ДЕЙСТВИЕ ЕДИНЕНИЯ, которое подталкивает череду новых соприкосновений, чтобы скользить сквозь них.

Новым в этом рассказе является состояние откровения, которое избегает дихотомии ДЕЙСТВИЯ и НЕ-ДЕЙСТВИЯ, ЕДИНЕНИЯ и НЕ-ЕДИНЕНИЯ. Современный человек ДЕЙСТВИЯ ищет ДЕЙСТВИЕ ЕДИНЕНИЯ. Он мыслит рукотворными понятиями, например, подводной лодки, внутри которой человек находится в состоянии НЕ-ДЕЙСТВИЯ (движется лодка, а не человек) НЕ-ЕДИНЕНИЯ (изоляция в замкнутом рукотворном контейнере). ДЕЙСТВИЕ и НЕ-ДЕЙСТВИЕ, ЕДИНЕНИЕ и НЕ-ЕДИНЕНИЕ не могут гармонизоваться иначе, как смыканием стихий. Отдельность проявляется в скольжении накладываемых образов.

Подобный эффект скольжения создается многократным повтором глагола *would* в сверхкоротком рассказе Л. Бекер «Неделя и один день» (www.tinhouse.com/blog/25967/one-week-and-a-day.html). ДЕЙСТВИЕ реальное (посещение отеля в двух кварталах от офиса) и воображаемое (поездка в Париж с воображаемым спутником) усекаются наложением НЕ-ДЕЙСТВИЯ (поездка в Париж) на повторяемое ДЕЙСТВИЕ. Воображаемый человек остается за шлейфом одеклона, в то время как тривиальное посещение отеля лишается запаха. Взгляд из замкнутой клетки здания на сбежавшего из клетки тигра в «Tiger-free Days» (whiskeypaper.com/tiger-free-days-by-demisty-d-bellinger) создает синергетический холизм трансформацией телефонных столбов в кресты для распятия. Трансформационное «излучение» предметов описывается Д. Котроном в сверхкоротком рассказе «Все, что надо знать» (monkeybicycle.net/all-you-need-to-know): любимые желтые резиновые сапоги героини «заражают» своим цветом ее ногти и волосы так, что этот огненный свет приходится по ночам прикрывать перчатками и связывать волосы в пучок. Результатом соприкосновения становится заполнение пространства-времени сиянием теплой энергии в самоподобии излучений, идущих от сапог, потом сапог и ногтей, затем их воздействия на волосы, вплоть до полного озарения мира вокруг человека, полюбившего свои желтые сапоги.

Синтез музыки и литературы усиливает откровение в тексте Л. Кросс-Смит, заголовок которого заимствует название песни Л. Клейтона «Ladies Love Outlaws». Синергетический обмен звуками (дом около военной базы, шелест листьев, музыка из динамика и другие) сходится в локализации дерева-дома у гаража. Текст наполняется артефактами поп-культуры. На полу душевой кабинки оставлен пахучий кусочек мыла известной косметической фирмы; упоминаются Дж. Кэш, один из ярчайших представителей «разбойничего» стиля кантри (грубый хинки тонк), и У. Дженнингс, песня которого «Ain't living long like this» входит в десятку лучших в стиле кантри. Прочтение рассказа через песню, название которой вынесено в заголовок, наполняет текст синергетическим обменом, привлекая из текста песни истории любви Бесси и Лероя, Линды и Билли, Джесси и Уэймора. Сам рассказ может претендовать на четвертую историю в этом ряду. Вербализация *sinnerman* является аллюзией к одноименной песне известной джазовой исполнительницы Н. Симон; автор рассказа заимствует метафору «кровотокающей луны» для трансформации в индивидуально-авторскую метафору «кровотокающего мыла». Еще одна аллюзия к Н. Симон – предложение «It feels good» (ее известная песня называется «Feeling good»). Приведем текст полностью.

«I miss the deepening thumps and flashing pale-pink-yellow skies of living near Fort Knox, my old house. When I moved, I tried to recreate the sounds in my new garage but everything was too small, too thin. Too hollow, too close. I tell her all this as we climb the steep steps of the treehouse out back. She's barefoot and I am behind her, holding her gold high-heeled shoes, making myself useful.

I think about the man who built the treehouse. If he ever got up here after midnight like us, behind the green-wind-hush of the leaves, above the ditch frog and cricket chorus, underneath the full thunder moon. I like to think about having a kid or two to share it with someday. About marrying a woman who would let me get away with giving them names like Cash or Elvis or Waylon or Laredo. Who wouldn't fuss about me listening to outlaw country music in the car. I finally tell her that stuff and more. *My heart was an ice-cold, tight, white rose before I met you. I found the softest spots of your heart when I didn't even want them; crookedly framed things on the walls inside of me, to help me remember.*

Frame 1: That night after dinner when I watched her take a translucent, atomic fish bone from her tongue and drop it into the empty wine glass. Frame 2: The time we'd gotten in a fight but she still called me and told me to go outside, to look up at the northern lights. How we sat on the phone together breathing about God.

When I wasn't looking, I slipped on her sweetness like it was a perfect rectangle honey colored bar of Neutrogena left on the shower floor. I sigh and say *so forgive me if falling in love with you is at once both messy and clean, washing this dirty sinnerman from the inside out. It feels good, it stings. It's like I'm bleeding soap*».

Подчеркнутая вторичность дает автору текста возможность построить события-сцены синергетическим обменом с современной культурой, которая близка рассказчику. Рассказчик переезжает из местности неподалеку от самой крупной американской военной базы Форт Нокс в другую местность; старый дом преобразуется в дерево-дом у гаража. Где-то есть помещение, в котором после принятия душа девушка оставила кусочек мыла; где-то есть машина, владелец которой любит хонки-тонк или хиллбилли. Но эти замкнутые пространства размыкаются спуском девушки и парня с дома-дерева, самого по себе пространства без полностью замкнутых границ. Четко очерчена рамка, разграничивающая замкнутое и открытое пространство, причем дерево-дом поднимается над землей: не касаются земли и двое, спускающиеся с дерева. В двух событиях-сценах (Frame 1, Frame 2) предстает женщина, которую любит мужчина, словами любимых им песен. Например, «full thunder moon» заимствуется из песни группы «New Amsterdams», где есть слова «Full thunder moon <...> Bathe us in blue». Интересно пересечение лун в этой песне и в песне Н. Симон, используемое для образа очищения мыльным потоком: «thunder moon (bathe)» – «bleeding moon (sinnerman) – bleeding soap (shower)». Музыка трансформирует чужое творчество в свое состояние души. Кроме того, совершенная форма куса мыла трансформируется в золотое сечение, связываемое с золотистыми туфлями на шпильках, которые несет в руках возлюбленный девушки. Точно так же пустой бокал вина ассоциируется с рекламным слоганом «Empty wine glass means good wine». Себя прежнего, до состояния любви к женщине, рассказчик сравнивает с

холодной белой розой, символизируя чистоту, искренность, благоразумие как качество неразбуженной любви. Апеллируя к возлюбленной, рассказчик почти дословно повторяет слова поэта С.Б. Ахиабьюка, который в сборнике «Шепот любви», вышедшем в 2014 году, пишет: «While I plead to the softest spots of your feminine intoxicating heart» (в рассказе: *I found the softest spots of your heart*). Подчеркнем, что вербализации в данном тексте – эхо современных произведений искусства, прошедших через восприятие рассказчика. Музыкализация прозы продолжает традиции эпифанической модели, о которых мы писали ранее [2].

Потенциал сверхкороткого рассказа успешно осваивается М. Мартоуном в «Winesburg, Indiana: The Cantor Quadruplets» (<http://booth.butler.edu/2013/05/31/winesburg-indiana-the-cantor-quadruplets>), где надстройки смысла строятся смежным повтором, например: staying staying in the yard (продолжая оставаться во дворе), climbing out from under underwater (выкарабкиваясь из-под подводного пространства), Mom mom-bathe in the mooning moonlight (купание мамы в лунящемся лунном потоке). Автор рассказа переосмыляет одновременность «здесь-сейчас» в «здесь-и-всегда-после-после» в вербализациях «Starting. Starting lists. Starting lists of ingredients» (заимствование приема сенсорного впечатления, в частности, у Дж. Джойса). Семья с четырьмя близнецами живет на пособие; мать пьет, дети привыкли к еде из консервных банок, которые заменяют приготовленную настоящую еду, ведь ее мать не готовит. По ночам, без света, дети ловят, чтобы раздавить, светлячков: We hunted down lumbering lightning bugs, crushed them out like cigarettes in our palms, their butt ash throbbing the there there there there. Точно так раздавлено их детство, от которого окружающие откупились пособием. Писательской находкой является субстантивация наречия «там» в четырехкратном повторе действия четверни (дети не могут совершить ДЕЙСТВИЕ ЕДИНЕНИЯ с миром за границами их привычной жизни). Безысходность детского мира консервных банок усиливается раскачиванием пьяной матери в лунном свете. Залатанно-дырявое существование в клетке двора разрушает детей подобно тому, как они давят светлячков, единственный источник света в темном доме. Автор передает захламляющее самоподобие – четыре близнеца в обносках, среди дыр, заплат, пустых бутылок и банок из-под детской еды. Писатель развивает эпифаническую модель, следуя серийности форм продолженного вида, надстраивая смыслы трансформирующими повторами, выходя за пространство одновременности в пост-одновременность, что придает текст свежее звучание.

Вместе с тем большинство рассказов не создает открытий, подобных вышеописанным. Ограничивая макроструктуру событиями-сценами, сверхкороткий рассказ одновременно ограничивает откровения в надстройках смысла, которые сведены до минимума. Сиюминутное приобщение к коллективному опыту, мгновению ДЕЙСТВИЯ краткосрочного ЕДИНЕНИЯ, через преграду в виде отражающей поверхности, клетки, офиса и т.п., разрушают эпифаническую модель как индивидуально-авторское откровение о мире вечных движениях души, а не перемещениях по пространству.

По-нашему мнению, сверхкороткий рассказ движим ДЕЙСТВИЕМ, из которого выводятся события-сцены,

которые сразу же интерпретируются. Например, в первом рассмотренном тексте вставляется предложение «Girl considers the mood», разрушающее магию эпифании, поскольку читатель способен сам вывести такое умозаключение. Читатель лишается права на интерпретационное усилие, что противоречит эпифанической модели с ее встроенным интерпретационным каналом как стержнем индивидуально-авторской концепции. Читателю почти ничего не надо выводить самому, потому что рассказчик спешит изложить свою точку зрения, вызывая своим откровением сопереживание читателя, впуская в собственное одиночество или разделяя радость с каким-то неизменным привкусом растерянности из-за необходимости осмыслить душевный разлад или свербящее состояние неопределенности, опираясь на контекст, разделяемый современной гипертрофией ДЕЙСТВИЯ.

А. Потебня писал, что «слово образуется из субъективного восприятия и есть отпечаток не самого предмета, а его отражения в душе» [1, с. 33]. В субъективном восприятии сверхкороткой прозы в подборке пятидесяти лучших рассказов 2014 года слово не стремится, за редким исключением, к флуктуациям смысла. Возможно, это связано с тем, что авторами рассказов являются самые разные люди, которые пишут о том, что их волнует, окружает, печалит или радует. Слова выступают гранулярным материалом для потока, в котором только очень немногие тексты достигают желаемых высот.

Проведенное исследование позволяет заключить, что камерность объема ограничивает самоусложнение текста, если не конструируется вращение индивидуально-авторской концепции в макроструктуру для эффекта самоценного художественного откровения. Умалая значимость аттрактора эпифании («вспышки» откровения), сверхкороткий рассказ становится фрагментарной зарисовкой микрокосма, которая без вербальных девиаций не достигает заданной объемом цели предельной конденсации и концентрации.

Выводы и перспективы. Синхронизация вневременных тем, музыкализация прозы, синтез онтогенетического и филогенетического, выход на перекрестки индивидуальной и коллективной памяти объединяют коллективные усилия авторов сверхкоротких рассказов, направленные на освоение эпохальных параметров порядка в событиях-сценах, выведенных из универсализуемого коллективного ДЕЙСТВИЯ ЕДИНЕНИЯ. Перспективным является изучение способов балансирования у порога неустойчивости, необходимого для возмещения малого

объема сверхкороткого рассказа концентрацией вербализуемых смыслов с усиленным интердинамическим компонентом.

Литература:

1. Потебня А. Мысль и язык / А. Потебня. – Харьков : Типография Адольфа Дарре, 1892. – 236 с.
2. Фоменко Е.Г. Языкотворчество Джеймса Джойса / Е.Г. Фоменко. – Запорожье: Классический приватный университет, 2014. – 196 с.
3. Bell J.S. Crafting Novels and Short Stories: The Complete Guide to Writing Great Fiction / J.S. Bell. – Cincinnati, OH: Writer's Digest Books, 2011. – 357 p.
4. Boddy K. The American Short Story since 1950 / K. Boddy. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010. – 178 p.
5. Wintler P., Lothe J. Skei H.H. (eds.) The Art of Brevity: Excursions in Short Fiction Theory and Analysis / P. Wintler, J. Lothe, H.H. Skei. – Columbia, South Carolina: University of South Carolina, 2004. – 215 p.

Иллюстративные источники:

1. The Wigleaf Top (Very) Short Fictions of 2014. Accessed from: <http://wigleaf.com/2014top501.htm>
2. Smithson Buchi Ahiabuike. Whispers of Love / Smithson Buchi Ahiabuike. – North America and International: Trafford Publishing, 2014. – 146 p.

Фоменко Е. Г. Сверхкоротке оповідання 2014 в лінгвосінергетичному освітленні

Анотація. Статтю присвячено п'ятдесяти надкоротким оповіданням, які опубліковані як кращі зразки flash fiction за 2014 рік на сайті wigleaf.com. Розглядаються способи стискування наративності і прояву індивідуально-авторських концепцій в колективній синергетичній напрузі системи, властивій цьому типу художнього тексту.

Ключові слова: надкоротке оповідання, лінгвосінергетика художнього дискурсу, епіфанічна модель, наративність, аттрактор, індивідуально-авторська концепція.

Fomenko E. Short-shorts of the year 2014 from the linguistic-synergetic perspective

Summary. The article studies fifty short-shorts published as top flash fiction of the year 2014 on the site wigleaf.com. Special emphasis is put on the ways of compressing narrativity and forming individual-authorial conceptions through collective synergetic tension of the system inherent in this type of fictional text.

Key words: short-shorts, linguistic synergetics of fictional discourse, epiphanic model, narrativity, attractor, individual-authorial conception